Для цитирования: Ковба Д. М. Евгеника как направление научной мысли и практика селекции человека в конце XIX — начале XXI вв. // Социум и власть. 2020. № 4 (84). С. 7—19. DOI: 10.22394/1996-0522-2020-4-07-19.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-4-07-19

УДК 172.1; 575

ЕВГЕНИКА КАК НАПРАВЛЕНИЕ НАУЧНОЙ МЫСЛИ И ПРАКТИКА СЕЛЕКЦИИ ЧЕЛОВЕКА В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XXI ВВ.[1]

Ковба Дарья Михайловна,
Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, кандидат политических наук, научный сотрудник.
Российская Федерация, 620108, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, д. 16.
E-mail: daria_kovba@mail.ru

Аннотация

Введение. В статье поднимается проблема евгеники как направления научной мысли и практики улучшения человеческого вида. Современные успехи репродуктивной медицины, развитие биологии, появление методов редактирования генома человека актуализировали дискуссии вокруг евгеники.

Цель работы — комплексное исследование дискурса и практики евгеники в период XIX—XXI вв. Данная цель предполагает решение ряда задач: 1) анализ исторического контекста и предпосылок появления евгеники; 2) изучение институционализации и практической реализации ее идей в западных странах в период до конца Второй мировой войны; 3) исследование положения евгеники после войны и перехода дискуссий в русло генетики, биоэтики, трансгуманизма; 4) изучение современного дискурса евгеники, этических вопросов и степени государственного вмешательства в воспроизводство населения.

Методы. В работе используются историко-ретроспективный метод, позволяющий комплексно рассмотреть контекст появления и развития евгеники, сравнительный метод (при сопоставлении характерных черт «старой» (авторитарной, принудительной) и «новой» (демократической, основанной на личном выборе) евгеники), институциональный подход (при выделении основных институтов, занятых разработкой, распространением, воплощением идей евгеники) и дискурсивный подход (для исследования современных дискуссий о «новой» евгенике и связанных с ней этических проблем).

Научная новизна исследования. Проведено комплексное исследование евгеники, установлена связь между «старой» и «новой» евгеникой, исследованы их сходства и различия.

Результаты. Доказана необходимость различения евгеники как теории о селекции человека и как практики, причем последняя, в зависимости от политической, культурной и социально-экономической обстановки в стране, может принимать самые разные формы: от консультационно-профилактических мер до расовых чисток. Установлено, что рост населения, урбанизация, массовая миграция, нестабильность в обществе в сочетании с идеями модернизма о социальном порядке силами науки и техники способствовали распространению идей евгеники в конце XIX — начале XX в. После Нюрнбергского процесса исследуемое понятие на время вышло из научного дискурса. В статье подробно исследованы социально-экономические и иные предпосылки, способствовавшие возрождению интереса к евгенике в 60-е гг. XX в. и на современном этапе. Показано, что сегодня часть дискуссии перешла в русло генетики, биоэтики и трансгуманизма.

Выводы. Установлено, что дискуссии о евгенике упираются в проблему управления размножением, а значит, ставят вопрос о том, кто должен выполнять отбор, каким образом, каковы его критерии. Этические аспекты введения контроля осложняются тем, что представления о «норме» и степени дозволенного вмешательства зависят от конкретного общества.

Ключевые понятия:
евгеника,
генетика,
«новая» евгеника,
стерилизация,
эвтаназия,
искусственный отбор,
редактирование генов,
права человека.

[1] Статья подготовлена в рамках работы по гранту Президента РФ: проект «МК-2621.2019.6» Гуманизм перед вызовами технологий изменения природы человека: поиск новых ценностных оснований.

Введение

Термин «евгеника», обозначающий ряд исследований, направленных на улучшение человеческого вида, создание расы, свободной от различных заболеваний, казалось бы, ушел в прошлое по причине негативных ассоциаций с геноцидом времен Второй мировой войны. В научном дискурсе долгое время он употреблялся в связи с исследованиями, посвященными массовым уничтожениям нацистами различных этнических и социальных групп, а также процессу становления медицинской этики и развития международного права после Нюрнбергского процесса. Тем не менее в последнее время в западном научном дискурсе ведется дискуссия вокруг данного термина. Причиной стало активное развитие биологии, методов редактирования генома человека, успехи репродуктивной медицины, позволяющие иметь здоровых детей больным или бесплодным парам. Если в общественных дискуссиях до недавнего времени избегалось употребление данного термина (например, в докладе Научно-технического комитета Палаты общин о генетике человека это слово не упоминалось ни разу; член парламента Э. Кэмпбелл утверждала что это «намеренное упущение было сделано во избежание волнений» [19, с. 31]), то ряд ученых [см. 11; 19; 23; и др.] предлагают вновь ввести термин «евгеника» в научный оборот, наполнив его современным содержанием.

В рамках исследования анализируется актуальность понятия «евгеники» с точки зрения исторического контекста, социально-экономических предпосылок возникновения, а также современной генетики. В статье рассмотрена дихотомия государственного контроля и индивидуального выбора, исследованы проблемы, связанные со стремительным развитием технологий редактирования человеческих генов.

Методы и материалы

В работе используются историко-ретроспективный метод, позволяющий комплексно рассмотреть контекст появления и развития евгеники, сравнительный метод (при сопоставлении характерных черт «старой» и «новой» евгеники), институциональный подход (при выделении основных институтов, занятых разработкой, распространением, воплощением идей евгеники) и дискурсивный подход (при исследовании современных дискуссий о «новой» евгенике и связанных с ней этических проблем).

При написании работы была использована обширная база источников, включающая как классические работы, освещающие сущность евгеники [15; 16], так и современные книги и статьи, в которых исследуется история развития евгеники [11; 12; 19], пределы государственного регулирования воспроизводства населения [9; 17; 19], евгенистические идеи трансгуманистов [21], связанные с евгеникой этические и философские проблемы [3; 23]. Пожалуй, наиболее популярной и актуальной тематикой в западной научной литературе является доказательство связи между евгеникой XX в. и некоторыми современными практиками. Так, исследуются отношения евгеники и эвтаназии [17], евгеники и искусственного оплодотворения [23], евгеники и генетического консультирования [19], евгеники и принудительной стерилизации [22], евгеники и редактирования генома [18] и др.

В России вопросы евгеники поднимаются, в основном, в рамках изучения проблем биоэтики. Отдельно стоит упомянуть монографию, изданную в Институте философии РАН — «Евгенический проект: «pro» и «contra» [8], а также монографию, посвященную исследованию этических и правовых аспектов генетических исследований [5].

Результаты

Исторический контекст развития евгеники

Возникновение идей улучшения человеческого вида принято [12, с. 20] связывать с идеями мыслителей Древней Греции. Так, Платон полагал: «... те, кто являются лучшими, должны совпадать с лучшими, а худшие должны совпадать с худшими в воспроизводстве...» [12, с. 21]. Он предложил отобрать пары для деторождения, чтобы получить потомство с «хорошими» характеристиками (назвал его εὐγονία — в пер. «благородный»), и ограничить размножение пар, обладающих «плохими» характеристиками [11, с. 174]. В дальнейшем распространилось мнение о том, что большинство положительных характеристик ребенка исходит от родителей. Оно нашло выражение в идее о том, что «подобное рождает подобное». Считалось, что по наследству передаются характеристики «крови», при этом отмечалось, что браки между сестрами и братьями «ослабляют кровь». Этот тип брака был также запрещен в христианстве и исламе [12, с. 21]. Как утверждает С. А. Ньюман [21, с. 29], традиционно богатые семьи рассматривали брачные договоренности как способ сохранения и улучшения кровных линий, придерживаясь принципов, аналогичных тем, которые используются в

разведении скота для сельского хозяйства и спорта. Однако, по нашему мнению, дело не только в представлениях об особых свойствах «голубой крови», но и в умножении и сохранении капитала, титулов и других символов привилегированного положения в обществе.

В начале XIX в. успехи в развитии естественных наук, накопление капитала в Англии, связанное с ростом городов и развитием сельского хозяйства, а также экономические учения А. Смита и Т. Мальтуса о конкуренции и перенаселении земли способствовали появлению эволюционной теории Ч. Дарвина. Стоит упомянуть, что его теория естественного отбора не выходила за рамки освещения биологических процессов и не касалась сферы общественной жизни [21, с. 29].

Под влиянием «Происхождения видов» Ч. Дарвина его двоюродный брат, сэр Френсис Гальтон, провел ряд опытов по изучению механизмов наследования признаков у животных и растений, а затем занялся исследованием вопроса о наследовании способностей (талантов) у людей [1, с. 90]. Итогом работы стала книга 1869 г. «Наследственный гений» [15], в которой развивается мысль о передаче по наследству ряда признаков — как положительных, так и отрицательных. В 1883 г. вышел его труд «Исследование человеческих способностей и их развитие» [16], в котором в научный лексикон был введен термин «евгеника» для обозначения науки, «посвященной облагораживанию человеческого рода» [1, с. 93]. Цель этой науки, по мнению ученого, состоит в том, чтобы «отслеживать признаки превосходных сортов и рас, и оказывать им такую поддержку, чтобы их потомство превосходило по численности и постепенно заменяло старые [сорта и расы худшего качества]» [16, с. 199—200]. Гальтон выступал за государственную поддержку умных, здоровых и успешных пар. По утверждению исследователей, дух его евгеники был «глубоко гуманистичным и научным» [3, с. 95]. Позднее его идеи были развиты другими учеными, и поддерживаемую Гальтоном *позитивную, или положительную, евгенику* стали рассматривать как направление, поощряющее размножение людей, обладающих ценными для общества признаками (хорошее здоровье, высокий интеллект и т. п.). Помимо позитивной получила свое развитие *отрицательная (негативная) евгеника*, которая была направлена на ограничение воспроизводства «дефектных» людей, причем «дефектность» определялась ситуационно — в зависимости от доминирующих в обществе идей и текущей политики.

Идеи Гальтона широко распространились в среде европейских и американских ученых, находящихся под впечатлением от дарвиновской теории. Популярности евгеники способствовали процессы индустриализации, урбанизации, эмиграции сельскохозяйственных рабочих, прирост населения (особенно бедных слоев), что вызывало социальную напряженность и озабоченность консерваторов [23, с. 10].

Идеи евгеники проникли и в США. Период 1890—1920 гг. исследователи называют «прогрессивной эрой» в истории США, когда науку рассматривали как инструмент решения социальных проблем (болезней, бедности, преступности и др.) [20, с. 145]. Поскольку многие реформаторы «прогрессивной эры» были обеспокоены ухудшением состояния общества и расы, перспектива человеческого регулирования эволюции и наследования нашла восприимчивую аудиторию [Там же]. В то время в Соединенные Штаты в больших количествах прибывали мигранты. Они оказывались в плохих социально-экономических условиях, легко заболевали. Считалось, что они представляют опасность для жизни и здоровья местного населения, а потому необходимой мерой виделась разработка визовых протоколов, основанных на оценке расы и происхождения [23, с. 11]. Хотя евгенике не хватало прочной научной основы, теория давала основания для контроля над обществом, обеспечения порядка и стабильности.

Подобные факторы были характерны и для Германии. Социальная трансформация в связи с быстрой индустриализацией этой страны была связана с социальными проблемами (рост преступности, алкоголизм, проституция) и способствовала росту идей евгеники. Экономический кризис 1929 г. также благоприятствовал применению евгенических мер, таких как колонии для слабоумных [11, с. 178].

Исследователи указывают на соответствие евгеники духу времени: конец XIX — первая половина XX в. были не только периодом высокого модернизма в искусстве, но и модернизма как социальной идеологии. Мечта модернизма о социальном порядке и прогрессе основана на вере в науку и технику [19, с. 32]. Начиная с XVII в. ключом к экономическому развитию Запада было использование науки и техники для контроля над природой. Однако одновременно с производством новых знаний происходил процесс рационализации и усиления общественного контроля в форме научного управления или бюрократии. Примером являлся тейлоризм начала XIX в. как попытка применить научный менеджмент к производственным процессам. В этом контексте евгеника расценивалась как прогрессивный и гуманный аспект модернизации.

Институционализация евгеники и ее практическое воплощение в первой половине XX в.

В результате к началу XX в. евгеника приобрела популярность в США, Канаде и более чем в двадцати европейских странах, таких, как Швеция, Германия, Дания, Швейцария, Финляндия, Эстония и других. Научная теория стала частью практики, приобретая различные формы в зависимости от социальных и культурных обстоятельств. «Золотой век» евгеники продолжался с начала XX века до конца Второй мировой войны [12, с. 22]. В это время шел активный процесс ее институционализации.

Одним из первых результатов движения евгеники стало создание научно-исследовательских центров изучения наследственности. Наиболее значительными среди них были Общество евгенического образования (Лондон, 1907 г.; в дальнейшем было переименовано в Институт Гальтона), Научно-исследовательский институт психиатрии Кайзера Вильгельма (Мюнхен, 1918 г.), Регистрационное бюро Евгеники (Нью-Йорк, 1910 г.) и Институт антропологии, наследственности и евгеники Кайзера Вильгельма (Берлин, 1927 г.) [12, с. 22].

Евгенику стали преподавать в университетах. В 1906 г. в Лондонском университете была учреждена кафедра евгеники. В 1911 г. в Оксфордском университете были одобрены ее принципы, а в Кембриджском — состоялись дискуссии на эту тему. В 1914 г. новую науку стали преподавать в Колумбийском, Гарвардском, Корнельском, Северо-западном и некоторых других университетах США [23, с. 11]. Кроме того, начался выпуск журналов, посвященных проблемам евгеники. В 1904 г. вышел первый номер престижного немецкого периодического издания «Archiv für Rassen- und Gesellschaftsbiologie» («Архив по расовой и социальной биологии»). За ним с 1908 г. последовало издание «Евгенического обозрения», выпущенного Обществом евгенического образования. В 1912 г. в Лондонском университете состоялся Первый международный конгресс евгеники, на который съехались более 750 человек, среди которых были врачи, политики, ученые, юристы и журналисты. Второй конгресс состоялся в 1921 г. в Нью-Йорке и был организован Министерством торговли США, ректорами Университета Кларка и Вашингтонского института Карнеги. На Третьем конгрессе, прошедшем в Нью-Йорке в 1932 г., евгеника была определена как «биологическая мета-наука о человеке, объединяющая такие дисциплины, как статистика населения, генетика, антропология, психометрический анализ, даже история и религия *в форму профилактической медицины, которая стремится определить и искоренить наследственные заболевания*» [23, с. 11]. Евгеническое движение было поддержано многими корпоративными фондами. Так, в США оно получило обширное финансирование Института Карнеги, Фонда Рокфеллера и др. [14].

Популярные в обществе идеи евгеники, их разработка и развитие силами ученых подготовили почву для их практического применения. В результате теории, основанные на достижениях науки своего времени, получив воплощение на практике, привели к серьезным последствиям для общества.

Первый закон, призванный остановить передачу дефектных генов будущим поколениям, был издан в 1886 г. в штате Коннектикут (США). Согласно данному закону, мужчина и женщина, если один из них имбецил, эпилептик или умалишенный, не должны вступать брак или сожительствовать. Нарушение закона или попытка его нарушить карались тюремным заключением сроком от трех лет [7, с. 227]. Этот запрет был принят и в других штатах, но вскоре выяснилось, что угрозы тюремного срока в 3 года недостаточно, чтобы граждане перестали воспроизводить на свет себе подобных. Необходимо было перейти к более решительным мерам. *Первый закон об обязательной стерилизации был принят в 1907 г.* в штате Индиана. Он стал результатом деятельности биологов, юристов и врачей [23, с. 12]. Под его действие попали не только люди, имеющие психические отклонения, но и преступники, идиоты, и в дальнейшем — неассимилированные мигранты, проживавшие за чертой бедности, т. к. считалось, что тяга к преступным деяниям и неспособность выбраться из нищеты являются наследуемыми признаками. Подобная практика появилась в других американских штатах. Всего в США процедуре стерилизации подверглось около 60 000 человек. Табл. 1 иллюстрирует широкое распространение законов о стерилизации в странах Запада.

Как видно из табл. 1, процедура в большинстве стран имела принудительный характер, но также проводилась и на добровольных началах, что не исключало возможности давления на пациента. Стерилизации могли подвергаться не только граждане с серьезными наследственными заболеваниями, но и преступники, а также люди, живущие за чертой бедности. Процедура осуществлялась довольно долгое время и не завершилась с окончанием Второй мировой войны. Так, в Швеции стерилизация практиковалась до 1976 г. Помимо стерилизации, во многих западных странах появились законы, регулиру-

Таблица 1

Законы о стерилизации 1907—1939 гг.

Государство	Закон	Целевая группа
США (штат Индиана)	Акт по предотвращению деторождения (1907 г.); акт о стерилизации заключенных, содержащихся в государственных учреждениях в особых случаях (1927 г.); акт от 3 марта 1931 г. (гл. 50); акт от 1935 г. (гл. 12).	1. Преступники, идиоты, имбецилы, насильники, содержащиеся в государственных учреждениях. 2. Лица, страдающие наследственными рецидивирующими формами безумия (например, идиотизм, слабоумие или эпилепсия), направленные в государственные психиатрические учреждения здравоохранения. 3. Лица, поступившие в учреждения для слабоумных. 4. Слабоумные
Канада (провинция Альберта)	Законодательное собрание Альберты приняло Акт о сексуальной стерилизации, 1928 г.	Закон предусматривал, что лица, имеющие умственные дефекты, будут стерилизованы без их согласия. Кроме того, закон создал Евгенический совет, который определял, кто должен быть стерилизован
Швеция	Закон о стерилизации 1934 г., принятый парламентом Швеции	Лица, имеющие наследственные болезни и психические отклонения.
Норвегия	Парламент принял закон о добровольной стерилизации, 1934 г.	Закон был принят по евгеническим, социальным, экономическим причинам и был направлен на людей с наследственными заболеваниями. Стерилизация по евгеническим причинам практиковалась еще за 7 лет до принятия закона в 1934 г.
Дания	Закон о стерилизации, 1929 г.	Психически больные
Германия	Закон о предупреждении рождения потомства с наследственными заболеваниями, 1933 г.	Стерилизация лиц, имеющих следующие наследственные заболевания: 1) врожденная умственная отсталость; 2) шизофрения; 3) маниакальная депрессия; 4) наследственная эпилепсия; 5) болезнь Хантингтона; 6) наследственная слепота или глухота; 7) тяжелые физические пороки развития; 8) тяжелые формы алкоголизма
Великобритания	Специальный закон о стерилизации отсутствовал, но в данном направлении работали Национальная ассоциация по уходу и контролю слабоумных, 1896 г.; Евгеническое образовательное общество, 1907 г.; Клиника контроля рождаемости Великобритании, 1921 г.	Лица, которые могут произвести на свет слабоумных или детей, страдающих психическими расстройствами
Австралия	Закон об умственной неполноценности, 1926, 1929, 1939 гг.	Стерилизация недееспособных граждан, таких, как обитатели трущоб, гомосексуалисты, проститутки, алкоголики, а также лица с маленькой головой и низким IQ. Стерилизации подвергались также австралийские аборигены

Источник: [11, с. 190—191].

ющие иммиграцию, заключение межрасовых браков и некоторые другие постановления, основанные на принципах евгеники. Любопытно, что они принимались при поддержке общественного мнения. Опрос журнала «Fortune», проведенный в 1937 г., показал, что ⅔ респондентов поддерживают евгеническую стерилизацию лиц с «умственными дефектами», 63 % — поддерживают стерилизацию преступников [14].

В Германии широкое распространение получил термин «расовая гигиена» (*Rassenhygiene*), который оценивают как *идеологически расширенную версию евгеники* [11, с. 179]. Евгенистические общества этой страны особенно активно отстаивали принципы негативной евгеники (ограничение «негодных» браков, изоляция слабоумных, контроль «плохой» иммиграции). Идеи уничтожения «низших» людей высказывал психиатр Альфред Хош. Во времена Веймарской республики он выступал за убийство людей с ограниченными возможностями. В 1920 г. была опубликована его книга, написанная совмест-

но с адвокатом Карлом Биндингом — «Разрешение на уничтожение недостойной жизни». Данный трактат внес большой вклад в дебаты об эвтаназии в Германии. Хош и Биндинг утверждали, что «умственно отсталые» и «неизлечимые идиоты» ложатся финансовым и эмоциональным бременем на родственников, общество и государство. Позднее авторы этой книги применили к психически больным людям концепцию социального организма, изначально выдвинутую британским социологом Гербертом Спенсером. Спенсер рассматривал государство как органическое существо, в котором психически больные являлись поврежденными и бесполезными частями «тела» страны [17, с. 37].

В январе 1933 г. Национал-социалистическая немецкая рабочая партия стала правящей. Захват власти нацистами сделал возможным осуществление принципов расовой гигиены. Немецкий закон о стерилизации был принят в 1933 г. Многие врачи поддерживали проведение этой процедуры, но убийство пациентов не одобряли. Тем не менее, в сентябре 1939 г. по приказу Гитлера началась программа эвтаназии [11, с. 180]. Эти процедуры проводились в секретности для предотвращения возможных массовых протестов населения. Так Третий рейх инициировал широкомасштабные операции по очищению страны от «жизни, которой не стоит жить» [17, с. 33] и сохранял денежные ресурсы, продовольствие и свободные места в военных и гражданских больницах, которые могли потребоваться солдатам.

Первоначально эвтаназии подвергали детей, имеющих наследственные заболевания и психические расстройства. Тысячи детей были умерщвлены в Особых детских отделениях, оборудованных по всей Германии. Затем программу распространили на взрослых. Для этого были созданы специальные комиссии, занимавшиеся отбором не только людей с наследственными заболеваниями, но и пациентов с психическими отклонениями, старческой деменцией, эпилепсией, поздними стадиями сифилиса и неврологическими проблемами. Личный врач Гитлера Карл Брандт руководил работами по поиску наиболее эффективного способа лишения жизни. Выяснилось, что лучше всего справляются с задачей газовые камеры [7, с. 230].

С началом войны стерилизацию также было решено поставить на поток. Из евреев, славян и цыган, живших на оккупированных территориях, отбирались те, убийство которых не было целесообразным (тех, кого можно было использовать в качестве рабочей силы). По предложению гинеколога Карла Клауберга стерилизация проводилась инъекцией раствора формальдегида. Затем под руководством чиновника Виктора Брака был разработан еще более удобный и дешевый метод — радиоактивное излучение конвейерным способом [7, с. 231].

В. Брак, К. Бранд и некоторые другие врачи и чиновники, занимавшиеся программами недобровольной стерилизации и эвтаназии, были приговорены к смертной казни решением трибунала в Нюрнберге. Суд также счел нужным сформулировать 10 основных принципов, на которых должны основываться эксперименты с участием людей. Интересно, что широкое распространение и признание идей евгеники за пределами Германии стало причиной, по которой немецкие врачи, выступая перед судом, ссылались на американские примеры, чтобы показать, что задача избавления от «низших элементов» не была уникальной для их страны [17, с. 36].

Положение евгеники после Второй мировой войны: от евгеники к генетике

После Нюрнбергского процесса отрицательная евгеника подверглась резкому осуждению. Сам термин получил негативную оценку общества из-за ассоциаций с действиями, имевшими место в нацистской Германии. Частота его употребления стала снижаться, и поток интереса к научным исследованиям в этой области перетек к генетике [12, с. 22].

Как утверждает Д. Кинг [19, с. 32], эти две науки неразрывно связаны: обращение к евгенике является неизбежным следствием развития генетики, хотя популярность открытых евгенистических программ варьируется в зависимости от политических и социальных обстоятельств конкретного общества. Справедливости ради стоит отметить, что достижения в области генетики внесли большой вклад в дело дискредитации евгеники. Еще в 1930-х гг. упрощенная менделевская евгеника была раскритикована. Представители фондов Карнеги и Рокфеллера, спонсировавших исследования в США, не были удовлетворены евгеникой. В Фонде Рокфеллера было выдвинуто предложение вместо «неясной» науки евгеники переориентироваться на молекулярную биологию, и, используя математические и физические методы, превратить биологию в «трудную» науку.

Однако нельзя сказать, что после Второй мировой войны евгеника полностью исчерпала себя, хотя она и потеряла многих своих сторонников. Стерилизация отдельных групп населения в США, Скандинавии и других развитых странах практиковалась, по крайней

мере, до 1960-х гг. (в Швеции — до 1976 г.). В Британии Общество евгеники продолжало свою работу. Оно изменило свое название на «Институт Гальтона» лишь в 1989 г. Многие ключевые фигуры, занятые в исследованиях, все еще делали евгенистические заявления, хотя фокус их внимания сместился на проблему контроля населения в странах «третьего мира» [19, с. 33].

К середине 1940-х гг. в нескольких академических центрах возникла новая профессия — «генетический консультант», ознаменовавшая появление *генетики личного выбора*. Номинально отстраненное от доктрин, поддерживаемых довоенными британскими и американскими генетиками, а также Третьим рейхом, консультирование позволило средним классам опираться на генетические знания того времени (сначала основанные на генеалогии, а в конечном итоге — на анализе ДНК), чтобы спланировать рождение детей без неизлечимых болезней. Генетическое консультирование стало положительным публичным лицом евгеники. Как утверждают исследователи, его добровольный характер в сочетании с научными и технологическими достижениями дал возможность расцвета позитивной евгеники, непредвиденной всеми, кроме нескольких сторонников евгеники в конце XIX в. [21, с. 33].

Проблема многих исследователей состояла в том, что они работали в междисциплинарной области — антропологии, расовой гигиене, генетике. Начало 1960-х гг. ознаменовалось сменой поколений ученых-естествоиспытателей. К этому времени в науке также случился очередной прорыв: в 1953 г. Ф. Крик совместно с коллегами открыли двойную спираль ДНК. В обществе также происходили существенные изменения, оказавшие влияние на трансформацию менталитета. К их числу относят «сексуальную революцию», ставшую логичным продолжением идеологии хиппи [см. 8, с. 98]. Кроме свободы нравов, революция привела к постепенному отделению в сознании граждан половой жизни от рождения детей. Половая жизнь как бы утратила свое природное назначение и стала самоцелью. Благодаря этому, аборты и контрацепция начали оцениваться положительно. Даже запуск первого спутника Советским Союзом в 1957 г. подготовил почву для нового витка евгеники: за этим событием последовали пересмотр образовательных программ в США и популяризация достижений науки [8, с. 98].

Вновь стали возникать дискуссии о евгенике. Так, высказывалось мнение о том, что евгеника Гальтона «дала начало двум направлениям — научному и гуманному, основанному на распространении знания и добровольности, способствовавшему распространению медицинской генетики, и — реакционному, получившему <...> развитие в нацистской Германии» [8, с. 100].

В конце 1960-х г. биофизик Роберт Синшеймер в журнале «Техника и наука» процитировал высказывание Ф. Гальтона 1894 г.: «Сейчас стало серьезной необходимостью улучшить породу человеческой расы». По его мнению, эта фраза стала вновь актуальной, т. к. «благодаря генетике, люди понимают свое происхождение и могут планировать свое будущее... Возникла *новая евгеника*, основанная на радикальном увеличении нашего понимания биохимии наследственности и средств эволюции» [24, с. 8]. Р. Синшеймер разграничил новую и старую евгенику. Он полагал, что потенциал первой значительно превышает потенциал второй. Для реализации старой евгеники Гальтона и его преемников потребовалась бы масштабная программа, осуществляемая на протяжении многих поколений, и социальный контроль. Напротив, новая евгеника могла бы быть реализована на совершенно индивидуальной основе, в одном поколении и без каких-либо социальных ограничений. Старая евгеника потребовала бы постоянного отбора и отбраковки непригодного. Новая евгеника позволит в принципе перевести всех негодных на высший генетический уровень [8, с. 13]. Р. Синшеймер, как и многие ученые в 1960-е гг., был полон энтузиазма по поводу перспектив, открывающихся перед человечеством, и назвал гипотетическую возможность нового пути эволюции человека событием «космического масштаба» [Там же].

Дискуссии о «новой евгенике» и генетике шли рука об руку с появлением новых технологий. Уже через несколько лет после открытия возможности экстракорпорального оплодотворения (ЭКО) кроликов, эта процедура получила распространение у животноводов. В этот период женщины все чаще поступали на работу и откладывали вопрос рождения детей на потом. Снижение рождаемости из-за снижения плодовитости в более зрелом возрасте в сочетании с признанием автономии женщин как итога освободительного движения женщин в конце 1960-х и 1970-х гг. создали стимулы и рынки для рационализации планирования семьи. Это ускорило развитие ЭКО. Для многих бесплодных пар получение генетически родственных детей стало считаться правильным. Первый «ребенок из пробирки» появился на свет в 1977 г. [21, с. 33]. Процедура ЭКО получила широкое общественное признание и почти не вызвала противодействия (за исключением католической церкви и некоторых религиозных

течений). Эта технология не была евгенической, но она распространилась одновременно с бурным развитием молекулярной генетики, и слияние этих двух дисциплин дало импульс *негативной евгенике*. Разработка методов выделения и определения последовательности субъединиц в молекулах ДНК привели к возможности определения генетических нарушений во время предимплантационной диагностики. Право иметь генетически родственного ребенка превратилось в право на то, чтобы такой ребенок был свободен от тяжелых отклонений, которые могли передаться ему по наследству [21, с. 34]. Новые технологии постепенно стали коммерческими и вышли на широкий рынок.

Большой вклад в изучение генов внес международный проект Геном человека, начавшийся в 1988 г., целью которого было секвенирование (определение последовательности нуклеотидов) ДНК и идентификация генов человека. В первые годы скорость секвенирования была низкой, но к 1995 г. благодаря автоматизации процесса она выросла почти в 10 раз. Программа успешно завершилась в 2003 г. [2, с. 119]. Одним из важнейших итогов проекта стало ускоренное развитие геномной медицины. В 1990 г. в США было произведено клиническое испытание генной терапии на человеке. В 2012 г. в лаборатории был впервые испытан метод направленного редактирования генов при помощи технологии CRISPR-Cas9. В 2017 г. в США прошла первая в мире процедура по редактированию генома взрослого человека внутри его тела, а в конце 2019 г. ученый Хэ Цзянькуй из КНР объявил о рождении первых в мире генетически модифицированных детей. Этот случай вызвал серьезную полемику в научной среде, связанную с безопасностью и этичностью использования этой технологии. Утверждается, что преимущества технологии не превышает риски, а ее дороговизна может привести к усилению социального неравенства и недоступности процедуры для низших слоев населения [18, с. 146]. Первые волны массового негодования ученых, биоэтиков и широкой общественности, требования наказать Хэ Цзянькуя (его в итоге приговорили к трем годам тюремного заключения и штрафу за отсутствие квалификации врача и подделку сертификата комиссии по этике[1]; формулировка обвинений говорит о неготовности правовой системы оценивать подобные события) сменились осторожным интересом, особенно учитывая то, что технологии не стоят на месте. Так, в 2019 г. появилась информация о разработке нового метода редактирования генома, еще более точного, чем CRISPR/Cas9, который позволяет производить не только вырезание, но также вставку и замену нуклеотидов [10, с. 149]. Пока он тестируется на отдельных клетках и дрожжах, но вскоре, возможно, его можно будет использовать на более сложных организмах. Осуществятся ли эти планы или нет, мы увидим в ближайшем будущем, но сегодня, на наш взгляд, ясно одно: общество уже психологически готово к новым открытиям в генной инженерии, и добровольцы для испытания технологий найдутся быстро.

Этические проблемы улучшения человека. Между частным и общественным.

Евгеника — это наука / направление научной мысли / учение (как считалось в XIX в.):

- об изучении механизмов социального контроля, которые могут ухудшить или улучшить психическое и физическое состояние будущих поколений [12, с. 21];
- о применении селекции к человеку [7, с. 157];
- об улучшении человеческой расы путем установления такого порядка размножения, при котором предотвращается воспроизводство «негодных» в пользу «наиболее приспособленных» [11, с. 177];
- о принуждении людей к репродуктивному выбору для социальных целей, которые могут включать улучшение качества населения, предотвращение страданий будущих поколений, сокращение финансовых затрат государства [19, с. 31];
- о социальном управлении, основанном на знании научной элиты [19, с. 32].

В определениях евгеники подчеркивается момент, связанный с контролем, управлением, искусственным отбором, что сразу ставит вопрос о том, кто этот обор должен выполнять, в каких пределах возможно вмешательство в процесс отбора и каковы его критерии.

Эти вопросы ставились еще в слушании Верховного суда США «Бак против Белла» в 1927 г. В заведенном на Кэрри Бак деле говорилось, что «ее стерилизация будет способствовать ее благополучию и благополучию общества... Для всего мира было бы лучше, если бы вместо того, чтобы ждать казни вырожденных потомков за преступления или позволить им голодать из-за своей глупости, общество сможет помешать непригодным продолжать свой род» [13, с. 1419].

[1] Chinese court sentences Jiankui He to 3 years in jail — and confirms birth of 3rd CRISPR baby. 2019. // Endpoints News. URL: https://endpts.com/chinese-court-sentences-jiankui-he-to-3-years-in-jail-and-confirms-birth-of-3rd-crispr-baby (дата обращения: 23.12.2019).

Профессор Дж. Аномалия, выступая в поддержку евгеники в XXI в., утверждает, что дело «Бак против Белла» основывалось на следующих моральных принципах: государство может (в некоторых случаях) ограничить свободу кого-либо, если их умственные способности лишают их возможности делать добровольный выбор, и если их выбор подвергает их риску причинения серьезного и необратимого вреда себе или другим. Государство может (в некоторых случаях) требовать от нас действий, способствующих коллективному благу, когда мы сталкиваемся с проблемными ситуациями, в которых у каждого из нас есть стимул действовать в одном направлении, но большинству из нас будет лучше, если мы будем действовать по-другому. Когда у государства есть веские причины для принуждения своих граждан в соответствии с одним или несколькими из вышеуказанных принципов, оно должно делать это таким образом, чтобы как можно меньше ограничивать свободу и предусматривать наименьшее количество боли или жертв [9, с. 29]. Дж. Аномалия утверждает, что сегодня мы можем использовать эти моральные принципы для формирования более осторожного подхода к евгенике, который придает больший вес индивидуальной свободе, чем ранние проявления евгеники. Он называет это «либеральной евгеникой».

Несмотря на то что современная генетика опровергла наследственный характер многих социальных отклонений, *проблема государственного регулирования в области евгеники, баланса между правами человека и интересами общества* до сих пор не решена. Она всплывала в дебатах 60-х годов XX в., когда произошел очередной всплеск интереса к евгенике и генетике, она остро стоит сегодня и выражается, к примеру, в вопросе, является ли генофонд общественной собственностью. Так, известный юрист М. И. Ковалёв в монографии поднимает вопрос: «В каких пределах допустимо вмешательство указанных отраслей знаний в человеческое постоянство, чтобы не затрагивать достоинство человека, не нарушать его естественные права быть сыном или дочерью своих родителей и наследовать от них человеческие свойства, которые затем им самим будут переданы следующим поколениям?» [5, с. 101—102]. Он уверен, что «право родителей иметь какое угодно потомство не может быть абсолютным», рождение недееспособных детей «тяжким бременем ложиться на все население... и, в конечном счете, приведет к резкому ухудшению генофонда человечества, а затем к его вымиранию» [5, с. 110]. В то же время мировой поворот, по крайней мере, в западном мире, к проблемам прав человека, индивидуальных свобод, защите его достоинства, смена парадигмы медицинской этики, развитие биоэтики должны предотвратить злоупотребления со стороны государства.

Нерешенными остаются и многие другие проблемы технического (связанные с рисками изменения зародышевой линии, непредсказуемыми последствиями вмешательства в геном) и этического характера. Как утверждают исследователи, в настоящее время происходят изменения в языке, которые делают процесс зарождения жизни менее «человечным». Трансформировалась лексика, обозначающая сомнительные, с этической точки зрения, процессы (например, вместо «выборочного аборта» используется словосочетание «сокращение эмбрионов»), в то же время желание иметь ребенка или роды стали обозначаться техническим термином «проект воспроизводства» [23, с. 24]. Некоторая часть общества предлагает вовсе отказаться от практик трансформации человека, так как они наносят ущерб человеческому достоинству или противоречат их религиозным убеждениям.

С приверженцами невмешательства или ограниченного вмешательства в геном дискутируют оптимистично настроенные ученые, футурологи и популяризаторы науки. Так, мексиканско-американский ученый Хуан Энрикес Кабот полагает, что в настоящее время «неэтично не менять человека»; «работать над разнообразием человеческого вида — это наш моральный долг». В поддержку этого тезиса он напоминает о том, что жизнь на планете Земля полностью исчезала пять раз. Исходя из этого, человек должен изменить себя, чтобы иметь возможность противостоять радиации и осваивать другие части Солнечной системы[1]. Подобный оптимизм и вера в прогресс, подкрепляемые громкими научными достижениями, характерны сегодня не только для ученых, но и для представителей трансгуманизма, являющегося наследником евгеники. Термин «трансгуманизм» ввел в научный дискурс биолог Джулиан Хаксли, занимавший пост президента Британского общества евгеников. Сегодня это очень неоднородное течение, имеющее либеральную повестку дня, некоторые направления которого одобряет, так называемую, «мягкую евгенику» [4, с. 43].

В табл. 2 приведено сравнение характеристик евгеники первой половины XX в. и «новой» евгеники, составленной на основании дебатов ведущих исследователей данной проблематики.

[1] Enriquez J. 2016. What will humans look like in 100 years? // TED. URL: https://www.ted.com/talks/juan_enriquez_what_will_humans_look_like_in_100_years#t-6430 (дата обращения: 18.12.2019).

Таблица 2

Сравнение «старой» и «новой» евгеники

«Старая» евгеника	«Новая» евгеника
авторитарная	демократическая
в крайних проявлениях — нацистская	либеральная
массовый характер (макроевгеника)	индивидуальный характер (микроевгеника)
принудительная и условно непринудительная	свободная и условно непринудительная
решение принимает государство	решение принимает взрослый / родитель
улучшение популяции	осознанный репродуктивный выбор
нацелена на будущие поколения	нацелена на будущие и текущие поколения
генетический детерминизм и редукционизм	
позитивная и негативная	
строятся на научной основе своего времени	

Источник: составлено автором на основе материала [12; 18; 19; 21; 23].

Несмотря на либеральный характер «новой» евгеники, между ней и евгеникой начала XX в. есть общие черты. Так, они обе демонстрируют тенденцию к редукционизму (сосредоточении на важности определенной части организма, изолированной от других; в данном случае — генов), недооценке экологического, социально-экономического и культурного влияния на организмы. Так, Дж. М. Гумер утверждает, что нельзя преуменьшать важность эпигенетики в формировании болезней. Более того, оценка гена как «хорошего» или «плохого» зависит от среды, в которой они находятся, поэтому исправление или удаление гена, наносящего ущерб в одном контексте, может отрицательно повлиять на здоровье в другом [18, с. 140]. Обе евгеники имели под собой научную основу, соответствующую знаниям своей эпохи. Несмотря на то, что современная генетика опровергла многие ошибочные представления, на которых строилась ранняя евгеника, в ней до сих пор есть ряд «слепых пятен». Так, при запуске проекта «Геном человека» предполагалось, что «организму человека для программирования синтеза более чем 100 тыс. составляющих его белков необходимо по одному гену на белок... к их числу следовало прибавить, по меньшей мере, 20 тыс. регуляторных генов... Однако выяснилось, что человеческий геном содержит не 120 тыс. генов, а всего лишь около 25 тыс. Иными словами, ученые не досчитались 80 % необходимых, как они полагали, человеку генов» [6]. Предполагается, что в будущем ученые будут подвергать ревизии представления о генах по мере совершенствования технологий и новых открытий.

Относительно принудительности евгеники можно отметить следующее: если в начале XX в. ее условно непринудительный характер мог подразумевать социальное давление или стимулы в виде разрешения на брак или освобождения из больницы, то со второй половины XX в. распространилось «недирективное» генетическое консультирование. Опросы генетиков западных стран показали, что они стремятся не указывать своим клиентам, какие действия предпринимать, и поддерживают любые их решения. Такая политика считается одним из основных аргументов генетиков о том, что они не пропагандируют евгенику [19, с. 33]. В то же время исследования показывают, что на недирективность могут претендовать только генетики англоязычных стран и Северной Европы, в то время как в Восточной и Южной Европе, на Ближнем Востоке, Латинской Америке и Азии генетики не видят проблемы в «направлении» своих клиентов, некоторые из них могут оказывать предвзятую предродовую консультацию или рекомендовать добровольную стерилизацию [19, с. 33]. Более того, свободный, добровольный, осознанный характер «новой евгеники» характерен, в основном, для развитых стран. Политика принудительной стерилизации и абортов, иногда принимающая расистский характер, сохранятся в нескольких местах земного шара. Подобная практика может проводиться с целью сокращения роста населения, как это было сделано в Китае, где с 1971 г. было проведено 222 млн стерилизаций и 336 млн абортов в рамках политики «одна семья — один ребенок». При этом богатые пары могли обойти закон, заплатив большую «социальную компенсацию» [22, с. 361]. Во время президентства А. Фухимори (1990—2000 гг.) в Перу осуществлялась принудительная стерилизация коренных народов аймара и кечуа. Также вскрылось, что многих южноафриканских женщин, больных СПИДом, стерилизовали без их согласия [22, с. 364]. Приведенные примеры свидетельствуют о том, что во многих частях мира евгенистические практики еще не ушли в прошлое.

Заключение

В заключение кратко перечислим основные выводы по итогам исследования и уточним ряд стереотипов, сложившихся вокруг евгеники.

Во-первых, существует убеждение, что евгенические идеи впервые высказал сэр Френсис Гальтон. Это не совсем корректно, так как идеи улучшения людей как вида интересовали философов и мыслителей на протяжении практически всей истории человечества. Работы Гальтона способствовали формированию «научного» этапа в развитии евгеники (хотя впоследствии его выводы были опровергнуты). Популярности его идей способствовали такие факторы, как урбанизация и массовая миграция, а также связанные с ними проблемы бедности и преступности. Открытия в разных отраслях знания, вера в научно-технический прогресс подкрепили уверенность в необходимости использования науки для контроля природы и общества, установления социального порядка и стабильности.

Во-вторых, ошибочно связывать теорию и практику евгеники исключительно с нацистской Германией. Во многих развитых западных странах открывались общества евгеники и кафедры в ведущих университетах, выпускались журналы, проводились конференции. Эта деятельность активно поддерживалась различными коммерческими фондами и правительствами. Первые законы о стерилизации были приняты не в Германии, а в США. Справедливо то, что самым *масштабным* евгеническим проектом в истории была программа, реализованная в Германии в 1933—1945 гг.

В-третьих, после Нюрнбергского процесса евгеника не ушла навсегда в прошлое. Действия нацистов действительно были осуждены, а евгеника как наука была дискредитирована, однако отдельные практики сохранялись вплоть до сегодняшнего времени. В Швеции стерилизация практиковалась до 1976 г. В некоторых не западных странах евгенические практики встречаются и сегодня, что свидетельствует о неоднородности культурного, социально-политического и правового развития, о разных представлениях о «норме» и степени дозволенного вмешательства государства в жизнь отдельных граждан.

В-четвертых, задачи и проблемы евгеники были унаследованы не только генетикой. Обзор литературы показал, что в настоящее время в западной науке проблемы евгеники носят междисциплинарный характер и рассматриваются также в рамках социологии, политологии, биоэтики и права. По мнению исследователей, «новая» евгеника, в отличие от «старой», является демократической, индивидуальной, свободной и условно непринудительной. Ее также именуют «мягкой» евгеникой, или «евгеникой свободного рынка».

В-пятых, несмотря на декларируемое разграничение «старой» и «новой» евгеники, между ними были обнаружены общие черты (тенденция к генетическому детерминизму, разделение на позитивную и негативную евгенику, а также построение идей на научной основе своего времени). Пожалуй, миф о том, что с помощью достижений науки можно решить все общественные (как было характерно для конца XIX — начала XX в.) и индивидуальные проблемы (этот постулат появился уже в XXI веке), — это то, что наиболее ярко характеризует евгенические взгляды.

На наш взгляд, для прошлых и современных дискуссий о евгенике характерно попадание акторов в «ловушку гуманности». На заре своего возникновения сторонники евгенического учения хотели избавить мир от болезней и нищеты, создать нацию «лучших», «благородных» людей. Во время Нюрнбергского процесса по делу врачей 1946—1947 гг. К. Бранд и другие подсудимые утверждали, что их главной целью было помочь людям с тяжелыми нарушениями избавиться от «страданий». Современные эксперименты, связанные с изменением генома человека, также оправдываются гуманным стремлением «проектирования» детей, свободных от генетических нарушений. Ажиотаж, вызываемый появлением технологий улучшения человеческого вида, вполне способен затмить и оправдать серьезные риски и перешагивание этических границ. Все большая доступность новых технологий, возможность заниматься редактированием генома не только под контролем правительств, но и подпольно, требует объединения усилий мирового сообщества по контролю таких процессов и ускорения разработки необходимой нормативно-правовой базы.

---

1. Воробьев В. С. К 100-летию со дня смерти Фрэнсиса Гальтона — основателя психогенетики // Теоретическая и экспериментальная психология. 2011. Т. 4. № 3. С. 85—100.

2. Гнатик Е. Н. Расшифровка генома человека: успехи, проблемы, перспективы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2016. № 1. С. 118—125.

3. Гнатик Е. Н. Философские проблемы евгеники: история и современность // Вопросы философии. 2005. № 6. С. 93—106.

4. Ковба Д. М., Грибовод Е. Г. Теоретические аспекты феномена трансгуманизма: основные направления // Дискурс-Пи. 2019. № 3 (36). С. 38—52.

5. Козаченко И. Я., Сергеев Д. Н. Генетические исследования: законодательство и уголовная политика : коллектив. моногр. / под ред. Д. Н. Сергеева. Екатеринбург : Лаборатория SAPIENTA, 2019. 268 с.

6. Липтон Б. Биология веры. Недостающее звено между Жизнью и Сознанием. М. : София, 2008. 256 с.

7. Талантов П. В. Доказательная медицина от магии до поисков бессмертия. М. : АСТ : CORPUS, 2019. 560 с.

8. Хен Ю. В. Евгенический проект: «pro» и «contra». М. : ИФ РАН, 2003. 153 с.

9. Anomaly J. Defending eugenics // Monash Bioethics Review. 2018. Vol. 35. № 1. P. 24—35.

10. Anzalone A.V., Randolph P.B., Davis J.R. et al. Search-and-replace genome editing without double-strand breaks or donor DNA // Nature. 2019. № 576. P. 149—157.

11. Boutlas G., Chousou D., Theodoridou D., Batistatou A., Yapijakis C., Syrrou M. Eugenics between Darwin's Era and the Holocaust // Conatus. 2019. Vol. 4. № 2. P. 171—204.

12. Güvercin Ch., Arda B. Eugenics Concept: From Plato to Present // Human Reproduction & Genetic Ethics. 2008. Vol. 14. № 2. P. 20—26. doi:10.1558/hrge.v14i2.20

13. Cynkar R. J. Buck v. Bell: «Felt Necessities» v. Fundamental Values? // Columbia Law Review. 1981. Vol. 81. № 7. P. 1418—1461.

14. Eugenics in the United States // Lumen — Cultural Anthropology. n.d. URL: https://courses.lumenlearning.com/culturalanthropology/chapter/eugenics-in-the-united-states (дата обращения: 23.12.2019).

15. Galton F. Hereditary genius: an inquiry into its laws and consequences. London : Macmillan & Co, 1869. 390 p.

16. Galton F. Inquiries into human faculty and its development. London : Macmillan, 1883. 387 p.

17. Grue L. Eugenics and euthanasia — then and now // Scandinavian Journal of Disability Research. 2010. Vol. 12. № 1. P. 33—45.

18. Gumer J. M. The Wisdom of Germline Editing: An Ethical Analysis of the Use of CRISPR-Cas9 to Edit Human Embryos // The New Bioethics. 2019. Vol. 25, №2. P. 137—152.

19. King D. The Persistence of Eugenics // Human Reproduction & Genetic Ethics. 1999. Vol. 5. № 2. P. 31—35.

20. Mobily K.E. Eugenics and the playground movement // Annals of Leisure Research. 2017. Vol. 21. № 2. P. 145—160.

21. Newman S.A. The Transhumanism Bubble // Capitalism Nature Socialism. 2010. Vol. 21. № 2. P. 29—42.

22. Reilly P. R. Eugenics and Involuntary Sterilization: 1907—2015 // Annual Review of Genomics and Human Genetics. 2015. Vol. 16. № 1. P. 351—368.

23. Ricci M. Assisted Procreation and its Relationship to Genetics and Eugenics // Human Reproduction & Genetic Ethics. 2009. Vol. 15. № 1. P. 9—29.

24. Sinsheimer R. L. The Prospect of Designed Genetic Change // Engineering and Science. 1969. Vol. 32. № 7. P. 8—13.

References

1. Vorobyov V.S. (2011) *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psihologiya*, no. 4 (3), pp. 85—100 [in Rus].

2. Gnatik E.N. (2016) *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Filosofiya*, no. 1, pp. 118—125 [in Rus].

3. Gnatik E.N. (2005) *Voprosy filosofii*, no. 6, pp. 93—106 [in Rus].

4. Kovba D.M., Gribovod E.G. (2019) *Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi»*, no. 3 (36), pp. 38—52 [in Rus].

5. Kozachenko I.Y., Sergeev D.N. (ed.) (2019) *Geneticheskie issledovaniya: zakonodatel'stvo i ugolovnaya politika. Kollektivnaya monografiya.* Ekaterinburg: SAPIENTA Laboratory, 268 p. [in Rus].

6. Lipton B. (2008) Biologiya very. Nedostayushchee zveno mezhdu Zhizn'yu i Soznaniem. Publishing House Sofia, 256 p. [in Rus].

7. Talantov P.V. (2019) *Dokazatel'naya medicina ot magii do poiskov bessmertiya*. Moscow, AST Publishing House, CORPUS, 560 p. [in Rus].

8. Hen Y.V. (2003) *Evgenicheskij proekt: «pro» i «contra»*. Moscow, IF RAS, 153 p. [in Rus].

9. Anomaly J. (2018) *Monash Bioethics* Review, no. 35(1), pp. 24—35 [in Eng].

10. Anzalone A.V., Randolph P.B., Davis J.R. et al. (2019) *Nature*, no. 576, pp. 149—157 [in Eng].

11. Boutlas G., Chousou D., Theodoridou D., Batistatou A., Yapijakis C., Syrrou M. (2019) *Conatus*, no. 4(2), pp. 171—204 [in Eng].

12. Güvercin Ch., Arda B. (2008) *Human Reproduction & Genetic Ethics*, no. 14 (2), pp. 20—26 [in Eng].

13. Cynkar R.J. (1981) *Columbia Law Review*, no. 81 (7), pp. 1418—1461 [in Eng].

14. Eugenics in the United States (n.d.). Available at: https://courses.lumenlearning.com/culturalanthropology/chapter/eugenics-in-the-united-states, accessed 23.12.2019 [in Eng].

15. Galton F. (1969) *Hereditary genius: an inquiry into its laws and consequences*. London, Macmillan & Co, 390 p. [in Eng].

16. Galton F. (1883) *Inquiries into human faculty and its development.* London, Macmillan, 387 p. [in Eng].

17. Grue L. (2010) *Scandinavian Journal of Disability Research,* no. 12 (1), pp. 33—45 [in Eng].

18. Gumer J.M. (2019) *The New Bioethics*, no. 25 (2), pp. 137—152 [in Eng].

19. King D. (1999) *Human Reproduction & Genetic Ethics*, no. 5 (2), pp. 31—35 [in Eng].

20. Mobily K.E. (2017) *Annals of Leisure Research*, no. 21 (2), pp. 145—160 [in Eng].

21. Newman S.A. (2010) The Transhumanism Bubble, *Capitalism Nature Socialism*, no. 21 (2), pp. 29—42 [in Eng].

22. Reilly P.R. (2015) *Annual Review of Genomics and Human Genetics*, no. 16 (1), pp. 351—368 [in Eng].

23. Ricci M. (2009) *Human Reproduction & Genetic Ethics*, no. 15 (1), pp. 9—29 [in Eng].

24. Sinsheimer R.L. (1969) Engineering and Science, no. 32 (7), pp. 8—13 [in Eng].

Статья поступила в редакцию 31.07.2020 г.

For citing: Kovba D.M. Eugenics as a direction of scientific thought and practice of human selection in the late 19th — early 21st centuries // Socium i vlast'. 2020. № 4 (84). P. 7—19. DOI: 10.22394/1996-0522-2020-4-07-19.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-4-07-19

UDC 172.1; 575

EUGENICS AS A DIRECTION OF SCIENTIFIC THOUGHT AND PRACTICE OF HUMAN SELECTION IN THE LATE 19th — EARLY 21st CENTURIES

Daria M. Kovba,
Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Cand. Sc. (Political sciences), Researcher.
Russian Federation, 620108, Yekaterinburg, ulitsa Sofyi Kovalevskoy, 16.
E-mail: daria_kovba@mail.ru

Abstract

Introduction. The article raises the problem of eugenics as a direction of scientific thought and practice of improving the human species. The modern advances in reproductive medicine, the development of biology, the emergence of methods for editing the human genome have updated the debate around eugenics.

The aim of the work is a comprehensive study of the discourse and practice of eugenics in the period of the 19th — 21st centuries. This aim involves solving a number of tasks: 1) analysis of the historical context and prerequisites for the eugenics emergence; 2) the study of the institutionalization and practical implementation of its ideas in Western countries in the period until the end of World War II; 3) research on the position of eugenics after the war and the transition of discussions to the mainstream of genetics, bioethics, transhumanism; 4) study of the modern discourse of eugenics, ethical issues and the degree of government intervention in population reproduction.

Methods. The author uses the historical-retrospective method, which makes it possible to comprehensively consider the context of the emergence and development of eugenics, the comparative method (when comparing the characteristic features of the «old» (authoritarian, forced) and «new» (democratic, based on personal choice) eugenics), the institutional approach (when identifying the main institutions involved in the development, dissemination, implementation of the ideas of eugenics) and a discursive approach (to study modern discussions about the «new» eugenics and related ethical problems).

Scientific novelty of the research. A comprehensive study of eugenics has been carried out, a connection has been established between the «old» and «new» eugenics, and their similarities and differences have been investigated.

Results. The need to distinguish eugenics as a theory of human selection and as a practice has been proven, and the latter, depending on the political, cultural and socio-economic situation in the country, can take a variety of forms: from counseling and preventive measures to racial cleansing. It was found that population growth, urbanization, mass migration, instability in society, combined with the ideas of modernism about social order by the forces of science and technology, contributed to the spread of eugenics ideas in the late 19th - early 20th centuries. After the Nuremberg trials, the concept under study temporarily dropped out of scientific discourse. The article examines in detail the socio-economic and other preconditions that contributed to the revival of interest in eugenics in the 60s of XX century and at the present stage. It is shown that today part of the discussion has shifted to the mainstream of genetics, bioethics and transhumanism.

Conclusions. It has been established that discussions about eugenics run up against the problem of breeding control, which means that they raise the question of who should perform selection, how, what are its criteria. The ethical aspects of introducing control are complicated by the fact that perceptions of the «norm» and the degree of permitted interference depend on the particular society.

Key concepts:
eugenics,
genetics,
«new» eugenics,
sterilization,
euthanasia,
artificial selection,
gene editing,
human rights.